

Борис Иванович НЕФЕДОВ

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Мясницкая ул., д. 20. Москва, 101000 Российская Федерация.

boris-nefedov@mail.ru

ORCID: 0000-0002-7762-5979

ПРАВОВОЙ ФРОНТИР В РЕГУЛИРОВАНИИ ТРАНСГРАНИЧНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

ВВЕДЕНИЕ. В регулировании трансграничных общественных отношений принимают участие не только нормы права данного государства, но и нормы иностранного национального права и самоисполнимые международно-правовые нормы. В своей совокупности эти нормы образуют своеобразную буферную зону между существующими правовыми системами, т. е. создают правовой феномен, который допустимо назвать правовым фронтиром. Именно в рамках этого фронтира происходят многочисленные правовые явления, сама возможность существования которых в недалеком прошлом либо оспаривалась, либо категорически отрицалась.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. В качестве материалов для исследования были использованы положения международных договоров, национального законодательства России и других государств, а также многочисленные труды российских и зарубежных ученых. Методологическую основу исследования составляют общенаучные и специальные методы.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. В ходе исследования были сделаны выводы о том, что поскольку иностранное право по своему содержанию не совпадает между собой, применение его норм для регулирования трансграничных отношений приводит к тому, что подобные отношения одного и того же вида на территории одного и того же государства регулируются по-разному. При этом источниками

правовых норм, регулирующих трансграничные отношения, являются все известные источники права, чего нет ни у внутригосударственных, ни у международных межгосударственных отношений. Кроме того, появились новые виды источников международно-правовых норм, направленных на урегулирование трансграничных общественных отношений, не указанных в ст. 38 Статута Международного Суда ООН. В статье констатируется, что значительные изменения в теории общего международного права (а также в общей теории права) вызваны появлением самоисполнимых международно-правовых норм, предназначенных для регулирования именно трансграничных общественных отношений.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. Автор приходит к выводу, что появление самоисполнимых международно-правовых норм потребовало изменения самого определения международного права, признания невозможности существования какой-либо универсальной теории соотношения международного и национального права, а также уточнения понятия объекта и предмета международного договора. Применение самоисполнимых международно-правовых норм в качестве регуляторов трансграничных общественных отношений не трансформирует эти отношения в международные межгосударственные отношения и не превращает их субъекты в субъектов международного права. Эти отношения остаются трансграничными

отношениями, а их субъекты обладают именно трансграничной правосубъектностью, независимо от того, нормой какой правовой системы они оказались урегулированы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: правовой фронтир, трансграничные отношения, источники права, применение норм иностранного права, система права, понятие международного права, теории соотношения правовых систем, объект международного договора, предмет международного договора, источники международного права

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Неведов Б.И. Правовой фронтир в регулировании трансграничных

общественных отношений. – *Московский журнал международного права*. №3. С. 6–16. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2023-3-6-16>

Доклад на тему статьи был представлен автором на секции «Теория международного права» Международного конгресса XIX Блищенковские чтения «Международное право как основа диалога и гарантия мира», проходившем на базе Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы (Москва) 15 апреля 2023 г.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

ISSUES OF THEORY OF INTERNATIONAL LAW

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2023-3-6-16>

Research article

UDC: 341.01

Received 10 May 2023

Approved 28 August 2023

Boris I. NEFEDOV

National Research University Higher School of Economics,
20, ul, Myasnitckaya str., Moscow, Russian Federation, 101000,
boris-nefedov@mail.ru
ORCID: 0000-0002-7762-5979

LEGAL FRONTIER IN THE REGULATION OF CROSS-BORDER PUBLIC RELATIONS

INTRODUCTION. *When it comes to regulating cross-border relations, the rules of law of a given state, foreign national laws and international legal norms are/may all be applicable. In their entirety, these norms form a sort of buffer zone between existing legal systems, i.e. create a legal phenomenon that can be called a legal frontier. It is within the framework of this frontier that numerous legal phenomena occur, with the very concept of their existence in recent years being either challenged or blatantly denied.*

MATERIALS AND METHODS. *The provisions of international treaties, the national legislation of Russia and other states, as well as numerous works of Russian and foreign researchers were used as materials for this study. The study relies on the general scientific and special methods as its methodological foundation.*

RESEARCH RESULTS. *The study found that foreign laws do not coincide, applying them to regulate cross-border relations leads to cases where relations of the same category are managed differently even within a single state. All known sources of law serve as the generators of norms that govern cross-border relations, which is not the case for either domestic or international interstate relations. Additionally, new sources of international legal norms have emerged and their objective is to regulate cross-border public relations not specified in Art. 38 of the Statute of the International Court of Justice. The article states that significant changes in the theory of general international law (as well as in the general theory of law) are caused by the emergence of self-executing international legal norms designed to regulate cross-border social relations specifically.*

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. *The author comes to the conclusion that the emergence of self-executing international legal norms required a change in the very definition of international law, admitting the impossibility of the existence of any universal theory of the relationship between international and national law, as well as specifying the nature of the object and subject of an international treaty. The use of self-executing international legal norms as regulators of cross-border public relations does not transform these relations into international interstate relations and does not turn their subjects into subjects of international law. These relations remain as cross-border relations, and their subjects have an exclusively cross-border legal standing, regardless of which legal system norm was responsible for regulating them.*

KEYWORDS: *legal frontier, cross-border relations, sources of law, application of foreign law, system of*

law, concept of international law, legal systems correlation theory, object of an international treaty, subject of an international treaty, sources of international law

FOR CITATION: Nefedov B.I. Legal Frontier in the Regulation of Cross-Border Public Relations. – *Moscow Journal of International Law*. 2023. No. 3. P. 6–16. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2023-3-6-16>

A report on the topic of the article was presented by the author at the section “Theory of International Law” of the International Congress of the XIX Blishchenko Readings “International Law as the Basis of Dialogue and a Guarantee of Peace”, held at the Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia (Moscow) on April 15, 2023.

The author declares the absence of conflict of interest.

1. Введение.

В строгом смысле слова под фронтиром (от англ. «frontier», что переводится как граница, рубеж) принято понимать особую территорию, формально не принадлежащую никакому государству и находящуюся в процессе своего освоения. Это – своеобразная переходная зона взаимодействия двух или более культур и/или политических структур. [Rieber 2003:23-47] Как понятие в научный и бытовой оборот это слово было введено в конце XIX века американским учёным Фредериком Джексоном Тёрнером по отношению к огромной территории в центре Северной Америки [Turner 1920; Turner 1987:433-443], Ему же, по общему признанию принадлежит и первенство в создании классической теории фронта, получившей (еще при жизни автора) всемирную известность [Якушенков, Якушенкова 2010:109]. В дальнейшем это понятие использовалось для обозначения «территории интенсивных контактов английских колоний с местными княжествами Индии» [Barthorp 1982:16], обозначения испанских колоний в Латинской Америке [Vannon 1970], территорий освоения Сибири русскими первопро-

ходцами [Агеев 2005; Баракхостов 2022:166-177; Белаш 1998: 75-89] и др. Именно на территории фронта происходят встреча, столкновение и активное «взаимопроникновение и противоречивое сочетание различных культурно-цивилизационных практик» [Левяш 2016:194].

Особенностью зоны фронта является то, что здесь нет установленной и единой государственной власти. Иными словами, на территории фронта не действуют законы, отсутствуют правоохранительные органы и пенитенциарные учреждения и т. д. Конечно же, подобный нормативный вакуум не может долго сохраняться и обязательные правила поведения устанавливаются, причем устанавливаются и, что не менее важно, обеспечиваются самими лицами, занимающимися освоением соответствующих территорий¹. Другое дело, что эти правила не являются едиными, поскольку в каждой человеческой общности, занимающейся освоением таких земель, продолжают существовать в виде неких ориентиров таких правил законы государств прежнего гражданства или подданства, а также традиции, обычаи, предрассудки и религиозные догмы, которые в значительной степени отличаются друг от друга.

¹ Поэтому судьей, например, мог быть избран человек, не имеющий юридического образования, а для шерифа требовалось, помимо положительных человеческих качеств, еще и умение быстро и метко стрелять.

Нечто схожее происходит и в своеобразной зоне урегулирования трансграничных общественных отношений², которые находятся на стыке между внутригосударственными и международными межгосударственными отношениями. Дело в том, что у трансграничных отношений нет «собственной» правовой системы, и в этом смысле они являются «ничейной» зоной, в рамках которой (тоже для заполнения вакуума) действуют и многочисленные (часто не совпадающие между собой по содержанию) национальные правовые нормы отдельных государств, и (самоисполнимые) международно-правовые нормы. Причем ни те, ни другие не выступают здесь в качестве установленного абсолютного фаворита. В своей совокупности все эти правовые нормы образуют не новый тип правовой системы, а своеобразную буферную зону между существующими правовыми системами, т. е. некий правовой феномен, который, по нашему мнению, допустимо назвать *правовым фронтиром*.

Именно в виртуальном пространстве зоны правового фронта, т. е. на стыке взаимодействия национальных, а также национальных и международной правовых систем, как в теории, так и в практике правового регулирования общественных отношений постоянно появляются парадоксальные новеллы в виде сочетания (с точки зрения прежних устоявшихся подходов), казалось бы, несочетаемого, т. е. происходит фактическое возникновение правовых явлений, которые исторически совсем недавно рассматривались не иначе как невозможные.

2. Источники правовых норм, регулирующих трансграничные отношения.

Источниками правовых норм, регулирующих трансграничные отношений являются все известные источники права, чего нет ни у внутригосударственных, ни у международных межгосударственных отношений. В качестве источников права как таковых в настоящее время

признаются: нормативно-правовой акт, правовой прецедент, религиозные, правовая доктрина, нормативный договор (внутригосударственный и международный), санкционированный обычай (международно-правовой обычай как источник международного права), принципы права (общие принципы права, признанные цивилизованными нациями, указанные в ст. 38 Статута Международного суда ООН), а также отдельные акты юридических лиц при делегировании им государством соответствующих полномочий (коллективный договор и др.) [Зарецкая, Хлебникова, Мирзоян 2022:29-37; Марченко 2017; Сильченко 2021; Овсепян 2016; Садохина 2003:52-56].

При этом обычно в конкретных государствах не рассматриваются в качестве источников норм права, регулирующих *внутригосударственные* общественные отношения, источники иностранного права, а также международные договоры и международные обычаи, а в качестве источников норм права, регулирующих *международные межгосударственные* отношения, – источники норм национального права в целом. В то же время оказалось, что источниками норм, регулирующих *трансграничные* отношения, могут быть **любые** из всех известных источников права. Так, в настоящее время для регулирования трансграничных отношений все государства применяют нормы иностранного права [Егоров 2018:105-114; Азнагулова 2012:8-11; Некрасов 2007:710-715; Тимохов 2000:17-42]³, а большинство из них – еще и самоисполнимые международно-правовые нормы.

Причем нормы иностранного права применяются даже в том случае, **когда они закреплены в таких источниках, которые в данном государстве в качестве источников права не признаются**. Мало того, в ст. 1191 ГК РФ оговаривается то, что «при применении иностранного права суд устанавливает содержание его норм в соответствии с их официальным толкованием, практикой применения и доктриной в соответствующем иностранном государстве»⁴.

² Они же – транснациональные отношения; они же – международные немежгосударственные отношения; они же – отношения физических и юридических лиц с иностранным элементом, они же – международные диагональные отношения и др.

³ При этом нормы иностранного права не включаются в право применяющего их государства. Для него они остаются нормами иностранного права и применяются (см.: ст. 1186 ГК РФ) именно в качестве таковых. Не входят они, как и их источники, и в правовую систему применяющего их государства подобно (см., например: ч. 4 ст. 15 Конституции РФ) международно-правовым нормам и их источникам.

⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть 3. – *Справочно-правовая система КонсультантПлюс*. Доступ: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34154/ (дата обращения: 28.04.2023).

Это неизбежно приводит к тому, что государства не только де-факто признают в качестве источников национального права такие из них, которые де-юре у них в качестве таких источников быть не могут, но и, поскольку в каждом государстве в регулировании трансграничных общественных отношений применяются нормы всех известных общей теории права источников национального права, то у этих отношений источников регулирующих норм всегда оказывается больше, чем источников норм права у внутригосударственных отношений, не говоря уже об отношениях межгосударственных.

И еще одна важная деталь: поскольку иностранное право в разных государствах по своему содержанию не совпадает между собой, применение его норм для регулирования трансграничных отношений приводит к тому, что **общественные отношения одного и того же их вида на территории одного и того же государства регулируются по-разному**, даже если соответствующие внутригосударственные отношения категорично урегулированы императивной нормой. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 156 Семейного кодекса РФ «условия заключения брака на территории Российской Федерации определяются для каждого из лиц, вступающих в брак, законодательством государства, гражданином которого лицо является в момент заключения брака»⁵. Следовательно, при заключении брака на территории Российской Федерации иностранные граждане не связаны необходимостью достижения брачного возраста в восемнадцать лет, установленного (причем в качестве императивного требования по отношению к внутригосударственным отношениям) ст. 12 Семейного кодекса РФ⁶, если по закону их государства гражданства допускается заключение брака в более раннем возрасте. В то же время, они не могут вступить в брак в России даже по достижении 18 лет, если по их отечественному праву брачная дееспособность возникает позднее⁷.

3. Самоисполнимые нормы международных договоров и трансграничные отношения.

Именно для регулирования трансграничных отношений были созданы самоисполнимые нормы международных договоров. Как раз в зоне правового фронта и возник этот удивительный феномен – нормы международных договоров, которые с санкции государства оказались способны непосредственно осуществлять регулирование трансграничных общественных отношений, т. е. самостоятельно наделять их субъектов (в том числе физических и юридических лиц) правами и обязанностями [Капустин, Журавлева 2020: 36-37; Лифшиц 2020:90-102; Осминин 2012:80-90]. И во многих государствах (в том числе в России) такие международно-правовые нормы указанную санкцию (в виде, например, коллизионных норм) получили.

Появление самоисполнимых норм потребовало:

- *изменения самого определения международного права.* Оказалось, что оно регулирует (может регулировать) международные отношения в целом, включая не только международные межгосударственные, но и международные не-межгосударственные (т. е. трансграничные) общественные отношения;

- *уточнения понятия объекта международного договора.* Довольно быстро стало понятно, что для международных договоров, содержащих самоисполнимые нормы, они являются **объектом** (т. е. тем, по поводу чего государства договариваются и принимают на себя определенные обязательства), а не предметом правового регулирования, т. е. правами и обязанностями самих сторон международных договоров⁸. Таким образом, оказалось, что объектом международного договора могут быть не только предметы, вещи, услуги и т. д., но и юридически обязательные правила поведе-

⁵ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ. – *Справочно-правовая система КонсультантПлюс*. Ст. 16. Доступ: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения: 28.04.2023).

⁶ Там же. Ст. 12.

⁷ Например, в Египте, Лесото, Либерии, Намибии, Гонконге или штате США Миссисипи заключать брак (при отсутствии дополнительных формальных обстоятельств, например, согласия родителей) можно с 21 года, Японии – с 20, в Китае мужчины достигают брачной дееспособности с 22 лет, а женщины – с 20. В то же время, в Кувейте девочки могут вступать в брак с 15 лет, а мальчики — с 17, в Камбодже девочки – с 13 лет, а мальчики – с 16, а в Судане те и другие – по достижению половой зрелости. В Европе, в целом, установлен порог в 18 лет, но в Северной Ирландии и Шотландии, например, пока сохраняется нижняя планка в 16 лет.

⁸ Скажем (на бытовом уровне), объектом договора купли-продажи какой-либо вещи будет именно эта вещь. и она как объект договора не может наделять стороны, его заключившие, правами и обязанностями. В то же время, устанавливаемые договором права и обязанности, которые складываются между сторонами договора по поводу и в связи с этой вещью, т. е. с его объектом, являются предметом этого договора.

ния физических и юридических лиц, вступающих в трансграничные отношения, одинаковое правовое урегулирование которых оказалось вызвано теми или иными государственными интересами⁹.

- *опровержения самой возможности существования какой-либо универсальной теории соотношения международного и национального права.* Дело в том, что не все государства восприняли практику применения самоисполнимых международно-правовых норм. Так, в Англии, Австралии, Канаде, Израиле, Дании, Швеции, Норвегии, Финляндии нормы международных договоров не могут выступать в этом качестве, что обусловлено особенностями нормотворческого процесса в этих государствах¹⁰. А раз в рамках национальных правовых систем не существует единого механизма реализации предписаний международно-правовых норм в целом¹¹ и самоисполнимых норм международных договоров в частности, то ни одна из известных теорий соотношения международного и национального права, начиная с традиционных (монистических и дуалистической) и заканчивая теориями «радикального монизма», «радикального дуализма», «умеренного дуализма» и «умеренного монизма», «сдержанного дуализма» и «диалектического дуализма», «последовательного дуализма» и «реалистического дуализма», «объективного дуализма», «координации», «конвергенции», а также «диалектической» концепцией и т. д., **не является универсальной и отражает только практику отдельных государств.**

- *уяснения того непреложного обстоятельства, что вид и тип общественных отношений, а также правосубъектность их участников, зависит не от источника регулирующей нормы, а от характеристик самого регулируемого общественного отношения.* Появление самоисполнимых международно-правовых норм вызвало в научном мире многочисленные дискуссии, связанные, с одной стороны, с отрица-

нием самой возможности непосредственного применения норм международных договоров в качестве регуляторов общественных отношений с участием физических и юридических лиц, а с другой – с призывами признать за индивидами и юридическими лицами пусть не полную, а частичную, но международную правосубъектность. Дело в том, что практически все участники указанных дискуссий, во-первых, исходили из ложного тезиса о том, что вид и тип общественного отношения зависит от источника регулирующей нормы, а во-вторых, не обращали внимания на то, что самоисполнимые нормы международных договоров регулируют не все отношения с участием физических и юридических лиц, а исключительно трансграничные общественные отношения. А поскольку у трансграничных отношений нет собственной правовой системы, их и стали относить к тем или иным видам отношений, урегулированных нормами соответствующей национальной или международной правовой системы.

Но трансграничные отношения, хотя и обладают иностранным элементом (в силу чего выходят за пределы юрисдикции одного государства), не могут рассматриваться в качестве международных межгосударственных отношений, даже если они будут урегулированы нормами международных договоров. Не будут они являться и внутригосударственными отношениями, даже если будут урегулированы нормой того или иного национального права. Иными словами, факт применения для урегулирования трансграничного отношения самоисполнимой нормы международного договора или нормы отечественного или иностранного национального права вовсе не трансформирует эти отношения и не превращает их субъектов в отношения и субъекты соответствующей правовой системы. Так, в случае применения для урегулирования трансграничного отношения самоисполнимой международно-правовой нормы субъекты этих отношений будут обладать не международной, а трансгра-

⁹ Так, объектом Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г. является единый комплекс выработанных и согласованных государствами норм, направленных на урегулирование трансграничных отношений, связанных с договорами купли-продажи товаров, заключенных между сторонами, коммерческие предприятия которых находятся в разных государствах. См. об этом подробнее: [Капустин, Журавлева 2020:36-37]. О соотношении предмета и объекта правового регулирования в международном праве см. также: *Международное право в 2 ч. Часть 1: учебник для вузов.* Под ред. А.Н. Вылегжанина. 4-е изд. М.: Юрайт. 2021. С. 25-28.

¹⁰ Не случайно И.М. Лифшиц прямо приходит к выводу о том, что в правовой системе ЕС разделение между монизмом и дуализмом проводится именно по критерию самоисполнимости [Лифшиц 2020:97].

¹¹ В США – одни, в континентальной Европе – другие.

ничной правосубъектностью¹², а применительно к понятию субъекта права (раз уж, повторимся, у этих отношений нет «собственной» правовой системы) их следует считать субъектами тех межсистемных правовых образований (МСО)¹³, которые создаются государствами для урегулирования той или иной разновидности таких отношений (международного частного права, международного налогового права, международного таможенного права и др.)¹⁴.

4. Изменение структуры МСО в зависимости от характера регулируемых трансграничных общественных отношений.

Первый вид МСО – международное частное право (МЧП) – появляется в XIX веке и формируется государствами с целью урегулирования всей совокупности частных отношений с иностранным элементом¹⁵. Особенностью МЧП было то, что в него государствами, помимо собственных правовых норм, включались и иностранные национальные правовые нормы (а затем стали включаться и международно-правовые нормы). В XX веке происходит формирование государствами межсистемных образований в публично-правовой сфере, но с опорой уже на существующие в каждом государстве системы деления этой части права на отрасли. Так, к этому периоду относится появление международного таможенного права, международного финансового права, международного уголовного права и др. При этом значимой

спецификой таких МСО стало то, что при их формировании нормы иностранного права, как правило, вообще не включались, но значительная активная роль отводилась нормам международных соглашений¹⁶. Но на рубеже XXI века для регулирования трансграничных отношений начинают формироваться межсистемные образования, сочетающие в себе элементы публичного и частного порядка. Предметом правового регулирования таких МСО стали различные формы международного государственно-частного партнерства [Зеленский 2020:308-326]¹⁷, в том числе соглашения о разделе продукции [Селезнева, Кузнецов 2018:133-141; Джонстон 2000] и договоры об иностранных инвестициях [Волова 2011:118]). В рамках этих МСО (в силу специфики указанного предмета правового регулирования) происходило фактическое стирание различий между регулированием трансграничных отношений частного и публичного характера, что в значительной мере было достаточно новым явлением и потребовало изменений вышеуказанных уже устоявшихся взглядов. Становится понятно, что трансграничные отношения могут носить «диагональный» характер, иметь комплексную природу, содержать в себе как публично-правовые, так и частноправовые элементы, а совокупность регулирующих их норм может иметь не частный или публичный, а двойственный [Garcia-Bolivar 2011:586-605.], гибридный публично-частный характер [Alvarez 2016; Douglas 2003:151-289; Radi 2014:157-177], т. е. их урегулирование может быть построено

¹² Нефёдов Б.И. *Катехизис аспиранта кафедры международного права: учебное пособие*. М.: МГИМО-Университет. 2018. С. 244-245. Практически к таким же выводам пришли и некоторые другие авторы [См., например: Галенская 2022:76-77].

¹³ Понятие межсистемных образований не совпадает с понятием транснационального права в его понимании Ф. Джессепом, Д. Карро, Г. Кохом, Ж. Сселем, В. Фридманом и др., а также из отечественных авторов — профессорами Г.М. Вельяминовым, Ю.Н. Малеевым, Е.А. Шибяевой и др., которые фактически включают в него социальные нормы как правовой так и неправовой природы. Но близко (до совпадения) позициям профессоров В.М. Шумилова и Л.Н. Галенской, которые применительно к транснациональному праву предполагают включение в него хотя и разноразностных, но только правовых норм.

¹⁴ Нефёдов Б.И. *Катехизис аспиранта кафедры международного права: учебное пособие*. – 2-е изд., перераб и доп. М.: МГИМО-Университет. 2022. С. 338.

¹⁵ Поскольку на тот момент гражданское, трудовое и семейное право еще не выделились в самостоятельные отрасли, то и основным ориентиром для государств на тот момент послужило общее деление права на публичное и частное. См. подробнее: Нефедов Б.И. *Динамика изменений структуры межсистемных правовых образований в XIX веке* // Журнал российского права. 2020. № 5. С. 131-147.

¹⁶ См. подробнее: Нефедов Б.И. *Динамика изменений структуры межсистемных правовых образований в XX веке – начале XXI века* // Журнал российского права. 2021. № № 2. С. 128-144

¹⁷ См.: Маслова С.В. *Тенденции развития международно-правового регулирования международных и трансграничных отношений в сфере государственно-частного партнерства*. Дисс.... д-ра юрид. наук. Санкт-Петербург, 2021; Громова Е.А. *Государственно-частное партнерство и его правовые формы: учебное пособие*. М.: Юстицинформ. 2019.

«на сочетании частноправовых и публично-правовых норм»¹⁸, в том числе иностранного права.

5. Урегулирование трансграничных общественных отношений в сфере Интернета и появление новых видов источников международно-правовых норм.

27 апреля 2016 г. Европейский Парламент и Совет Европейского Союза принимает Регламент 2016/679 «О защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных, а также об отмене Директивы 95/46/ЕС»¹⁹, который, согласно ст. 288 Договора о функционировании ЕС, являлся «обязательным во всей своей полноте» и применялся «непосредственно во всех государствах-членах». В ст. 40 (§ 9) этого Регламента было прямо закреплено право Еврокомиссии придавать корпоративным нормам ряда юридических лиц, участвующих в передаче и дальнейшей обработке персональных данных (кодексам поведения и общеорганизационным правилам), в рамках Союза обязательную силу²⁰. Добавим к этому, что в 2018 г. Совет Европы принял Протокол о внесении поправок в Конвенцию о защите частных лиц в отношении автоматизированной обработки данных личного характера, в котором отношение к вышеназванным корпоративным нормам было перенесено на принципы регулирования этого вида трансграничных отношений, но теперь уже Конвенцией. В частности, статьей 17 (3) п. «b» указанного Протокола было прямо уточнено, что обеспечением третьей стороной соответствующего уровня защиты являются, в частности, специальные или утвержденные стандартизированные гарантии, предусмотренные в юридически обязательных и подлежащих исполнению документах, принятых и осуществ-

ляемых лицами, участвующими в передаче и дальнейшей обработке персональных данных²¹. В результате, к регулированию общественных отношений, связанных с защитой персональных данных при их трансграничной передаче, европейскими государствами стали допускаться многочисленные нормы корпоративного права («общеорганизационные правила» и «кодексы поведения»), которые начали приобретать в силу санкции со стороны европейского права обязательность международно-правовых норм²². Иными словами, явочным порядком мы получили формализацию нового источника международного права, о котором не упоминается в ст. 38 Статута Международного суда ООН – санкционированные международным правом в качестве обязательных правил поведения корпоративные нормы отдельных юридических лиц. При этом сами эти юридические лица, не являясь субъектами международного права, тем самым фактически приобрели возможность не только устанавливать, но и менять международно-правовые нормы в процессе создания и корректировки собственных корпоративных правил. И тот факт, что речь идет об урегулировании трансграничных общественных отношений, возникающих в условиях использования Интернета, в данном случае существенного значения не имеет.

5. Заключение

По нашему глубокому убеждению, правовой фронт, существующий в рамках правового регулирования трансграничных общественных отношений, еще принесет нам немало удивительных открытий в теории и практике нормотворчества и правоприменения, а потому он должен продолжать оставаться объектом повышенного внимания в проводимых научных исследованиях соответствующих направлений.

¹⁸ Попов Е.В. Проблемы развития международного инвестиционного права. Дисс. ... канд. юрид. наук: Саратов. 2001. С. 53.

¹⁹ European Union: Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation). URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32016R0679> (accessed 28.04.2023).

²⁰ Уже через 2 года в ЕС уже были утверждены в качестве общеобязательных 135 организационных правил таких компаний-гигантов (своих отраслей) как Airbus, BMW, CISCO, Citigroup, BP, Maersk Group, JPMC, Siemens Group и др. См.: European Union: List of companies for which the EU BCR cooperation procedure is closed. URL: https://ec.europa.eu/newsroom/article29/document.cfm?doc_id=50116 (accessed 28.04.2023).

²¹ Council of Europe: Protocol amending the Convention for the Protection of Individuals with regard to Automatic Processing of Personal Data. URL: <https://rm.coe.int/16808ac918> (accessed 28.04.2023).

²² См. подробнее: [Нефедов, Истомин 2021:175-179].

Список литературы

1. Агеев А.Д. 2005. *Сибирь и американский Запад: движение фронтиров*. М.: Аспект Пресс. 330 с.
2. Азнагулова Г.М. 2012. Применение норм международных договоров и норм права иностранных государств в Российской правовой системе. – *Юридическая мысль*. № 1. С. 6-11.
3. Барахвостов П.А. 2022. Формирование и эволюция русских фронтиров. – *Россия и мир: научный диалог*. № 2. С. 166-177. DOI: [https://doi.org/10.53658/RW2022-2-2\(4\)-166-177](https://doi.org/10.53658/RW2022-2-2(4)-166-177)
4. Белаш Н.Ю. 1998. Зона освоения (фронт) и ее образ в американской и русской культурах. – *Общественные науки и современность*. № 5. С. 75-89.
5. Волова Л.И. 2011. Становление международного режима иностранных инвестиций. – *Terra ecomomicus*. №9. С. 116-121.
6. Галенская Л.Н. 2022. *Правовое регулирование транснациональных отношений*. СПб.: Издательство СПбГУ. 316 с.
7. Джонстон Д. 2000. *Международный нефтяной бизнес: налоговые системы и соглашения о разделе продукции*. М.: ЗАО «Олимп-Бизнес». 300 с.
8. Егоров А.В. 2018. Внутреннее право иностранных государств как источник международного частного права. – *Журнал российского права*. № 6. С. 105-114. DOI: [10.12737/art_2018_6_10](https://doi.org/10.12737/art_2018_6_10)
9. Зарецкая М.Г., Хлебникова А.А., Мирзоян Р.Э. 2022. Понятие и виды источников (форм) права. – *Вопросы российского и международного права*. Т. 12. № 4А. С. 29-37. DOI: [10.34670/AR.2022.83.82.043](https://doi.org/10.34670/AR.2022.83.82.043)
10. Зеленский М. 2020. Новые правовые формы государственно-частного партнерства в России. – *Вопросы российской юстиции*. № 9. С. 308-326.
11. Капустин А.Я., Журавлева И.П. 2020. Действие международного права в национальной правовой системе: в поиске лучшего понимания. – *Московский журнал международного права*. № 1. С. 26-43. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2020-1-26-43>
12. *Конституционно-правовой механизм применения норм международного права в зарубежных странах: монография*. Под ред. К.В. Карпенко. 2019. М.: МГИМО-Университет. 300 с.
13. Левяш И.Я. 2016. Культурное отчуждение и фронтиры: пропасти и мосты. – *Диалог культур в эпоху глобальных рисков. Материалы международной научной конференции и X научно-теоретического семинара «Инновационные стратегии в современной социальной философии»*. Минск: РИВШ. С. 193-196.
14. Лифшиц И.М. 2020. Типология взаимодействия международного финансового права и права Европейского союза. – *Московский журнал международного права*. № 1. С. 90-102. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2020-1-90-102>
15. Марченко М.Н. 2017. *Источники права*. М.: Проспект. 759 с.
16. Некрасов И. А. 2007. Применение иностранного права судами РФ: общая характеристика и значимость. – *Актуальные проблемы российского права*. №1. С. 710- 715.
17. Нефедов Б.И., Истомин Н.А. 2021. Особенности формирования межсистемных правовых образований для регулирования защиты персональных данных при их трансграничной передаче. – *Российский юридический журнал*. № 2. С. 164-181.
18. Овсепян Ж.И. 2016. *Источники (формы) российского права в период международной глобализации (общетеоретическое и конституционно-правовое исследование)*. Монография. М.: Проспект. 519 с.
19. Осминин Б. И. 2012. Вопросы самоисполнимости международных договоров (на примере США, Нидерландов и России). – *Журнал российского права*. №6. С. 80-90.
20. Садохина Н.Е. 2003. Понятие и виды источников права в Российской Федерации. – *Вестник тамбовского университета. Серия: гуманитарные науки*. № 2. С. 52-56.
21. Селезнева Н.А., Кузнецов В.В. 2018. Соглашение о разделе продукции и иные договорные формы недропользования в зарубежных странах. – *Образование и право*. №4. С. 133-141.
22. Сильченко Н.В. 2021. *Источники права: сборник научных статей*. Минск: Право и экономика. 294 с.
23. Тимохов Ю.А. 2000. Применение иностранного права в практике российских судов. – *Международное частное право: современная практика. Сборник статей*. М.: ТОН-Остожье. С. 17-42.
24. Якушенков С.Н., Якушенкова О.С. 2010. Американский фронт и российские аналогии в Поволжье и на Нижней Волге. – *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. № 1. С. 109-115.
25. Alvarez J. 2016. *Is Investor-State Arbitration Really Public?*. New York: Institute for International Law and Justice. 45 p.
26. Bannon, J. F. 1970. *The Spanish borderlands frontier, 1513-1821*. New York: Holt, Rinehart and Winston. 308 p.
27. Barthorp M. 1982. *The North-West Frontier: British India and Afghanistan. A Pictorial History 1839-1947*. Dorset: Blandford Pr. 192p.
28. Douglas Z. 2003. The Hybrid Foundations of Investment Treaty Arbitration. – *British Yearbook of International Law*. Vol. 74. Issue 1. P. 151-289.
29. Garcia-Bolivar O. E. 2011. Economic development at the core of the international investment regime. – *Evolution in Investment Treaty Law and Arbitration*. Ed. by C. Brown and K. Miles. Cambridge: Cambridge University Press. P. 586- 605. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9781139043809.033>
30. Radi Y. 2014. Balancing the Public and the Private in International Investment Law. – *Private International Law and Global Governance*. Ed. by H. Muir Watt and D.P. Fernández Arroyo. Oxford: Oxford University Press. P. 157-177. DOI: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780198727620.003.0009>
31. Rieber A.J. 2003. Changing concepts and constructions of frontier: a comparative historical approach. – *Ab Imperio*. No. 1. P. 23-47.
32. Turner F.J. 1920. *The frontier in American history*. New York: H. Holt and company. 394 p.
33. Turner F.J. 1987. Dominant forces in West life. – *The Atlantic monthly*. No. 79. P. 433-443.

References

- Ageev A.D. *Sibir' i amerikanskii Zapad: dvizhenie frontirov* [Siberia and the American West: The Frontier Movement]. Moscow: Aspekt Press Publ. 2005. 330 p. (In Russ.)
- Alvarez J. *Is Investor-State Arbitration Really Public?*. New York: Institute for International Law and Justice. 2016. 45 p.
- Aznagulova G.M. Primenenie norm mezhdunarodnykh dogovorov i norm prava inostrannykh gosudarstv v Rossiiskoi pravovoi sisteme [Application of the norms of international treaties and the norms of the law of foreign States in the Russian legal system]. – *Yuridicheskaya mys'*. 2012. No. 1. P. 6-11. (In Russ.)
- Bannon, J. F. *The Spanish borderlands frontier, 1513-1821*. New York: Holt, Rinehart and Winston. 1970. 308 p.
- Barakhvostov P.A. Formirovanie i evolyutsiya russkikh frontirov [Formation and evolution of russian frontiers]. – *Rossiia i mir: nauchnyi dialog*. 2022. No. 2. P. 166-177. (In Russ.). DOI: [https://doi.org/10.53658/RW2022-2-2\(4\)-166-177](https://doi.org/10.53658/RW2022-2-2(4)-166-177)
- Barthorp M. *The North-West Frontier: British India and Afghanistan. A Pictorial History 1839-1947*. Dorset: Blandford Pr. 1982. 192p.
- Belash N.Yu. Zona osvoboeniya (frontir) i ee obraz v amerikanskoi i russkoi kul'turakh [The zone of development (frontier) and its image in American and Russian cultures]. – *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 1998. No. 5. P. 75-89. (In Russ.)
- Douglas Z. The Hybrid Foundations of Investment Treaty Arbitration. – *British Yearbook of International Law*. 2003. Vol. 74. Issue 1. P. 151-289.
- Egorov A.V. Vnutrennee pravo inostrannykh gosudarstv kak istochnik mezhdunarodnogo chastnogo prava [The internal law of foreign states as a source of private international law]. – *Zhurnal rossiiskogo prava*. 2018. No. 6. P. 105-114. (In Russ.). DOI: [10.12737/art_2018_6_10](https://doi.org/10.12737/art_2018_6_10)
- Galenskaya L.N. *Pravovoe regulirovanie transnatsional'nykh otnoshenii* [Legal regulation of transnational relations. Saint Petersburg: Izdatel'stvo SPbGU Publ. 2022. 316 p. (In Russ.)
- Garcia-Bolivar O. E. Economic development at the core of the international investment regime. – *Evolution in Investment Treaty Law and Arbitration*. Ed. by C. Brown and K. Miles. Cambridge: Cambridge University Press. 2011. P. 586- 605. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9781139043809.033>
- Johnston D. International Petroleum Fiscal Systems and Production Sharing Contracts (Russ. ed.: Johnston D. *Mezhdunarodnyi nefyanoi biznes: nalogovye sistemy i soglasheniya o razdele produktsii*. Moscow: ZAO "Olimp-Biznes" Publ. 2000. 300 p.)
- Kapustin A.Ya., Zhuravleva I.P. Deistvie mezhdunarodnogo prava v natsional'noi pravovoi sisteme: v poiske luchshego ponimaniya [The Operation of International Law in the National Legal System: in search for better understanding.]. – *Moscow Journal of International Law*. 2020. No. 1. P. 26-43. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2020-1-26-43>
- Konstitutsionno-pravovoi mekhanizm primeneniya norm mezhdunarodnogo prava v zarubezhnykh stranakh: monografiya*. Pod red. K.V. Karpenko [Constitutional and legal mechanism of application of the norms of international law in foreign countries: a monograph. Ed. by K.V. Karpenko]. Moscow: MGIMO-Universitet Publ. 2019. 300 p. (In Russ.)
- Levyash I.Ya. Kul'turnoe otchuzhdenie i frontiry: propasti i mosty [Cultural alienation and frontiers: chasms and bridges]. – *Dialog kul'tur v epokhu global'nykh riskov. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii i X nauchno-teoreticheskogo seminara "Innovatsionnye strategii v sovremennoi sotsial'noi filosofii"* [Dialogue of cultures in the era of global risks. Materials of the International scientific conference and the X scientific and theoretical seminar "Innovative strategies in modern social philosophy"]. Minsk: RIVSh Publ. 2016. P. 193-196. (In Russ.)
- Lifshits I.M. Tipologiya vzaimodeistviya mezhdunarodnogo finansovogo prava i prava Evropeiskogo soyuza [Typology of Interaction between the International Financial Law and the EU Law.]. – *Moscow Journal of International Law*. 2020. No. 1. P. 90-102. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2020-1-90-102>
- Marchenko M.N. *Istochniki prava* [Sources of Law]. Moscow: Prospekt Publ. 2017. 759 p. (In Russ.)
- Nefedov B.I., Istomin N.A. Osobennosti formirovaniya mezhsistemnykh pravovykh obrazovaniy dlya regulirovaniya zashchity personal'nykh dannyykh pri ikh transgranichnoi peredache [Features of the development of intersystem legal formations designed to regulate personal data protection during cross-border transfer]. – *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*. 2021. No. 2. P. 164-181. (In Russ.)
- Nekrasov I. A. Primenenie inostrannogo prava sudami RF: obshchaya kharakteristika i znachimost' [Application of foreign law by the courts of the Russian Federation: general characteristics and significance]. – *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*. 2007. No.1. P. 710- 715. (In Russ.)
- Osminin B. I. Voprosy samoispolnivosti mezhdunarodnykh dogovorov (na primere SShA, Niderlandov i Rossii) [Issues of self-fulfillment of international treaties (on the example of the USA, the Netherlands and Russia)]. – *Zhurnal rossiiskogo prava*. 2012. No. 6. P. 80-90. (In Russ.)
- Ovsepyan Zh.I. *Istochniki (formy) rossiiskogo prava v period mezhdunarodnoi globalizatsii (obshcheteoreticheskoe i konstitutsionno-pravovoe issledovanie)*. Monografiya [Sources (forms) of Russian law in the period of international globalization (general theoretical and constitutional legal research). A monograph]. Moscow: Prospekt Publ. 2016. 519 p. (In Russ.)
- Radi Y. Balancing the Public and the Private in International Investment Law. – *Private International Law and Global Governance*. Ed. by H. Muir Watt and D.P. Fernández Arroyo. Oxford: Oxford University Press. 2014. P. 157-177. DOI: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780198727620.003.0009>
- Rieber A.J. Changing concepts and constructions of frontier: a comparative historical approach. – *Ab Imperio*. 2003. No. 1. P. 23-47.
- Sadokhina N.E. Ponyatie i vidy istochnikov prava v Rossiiskoi Federatsii [The concept and types of sources of law in the Russian Federation]. – *Vestnik tambovskogo universiteta. Seriya: gumanitarnye nauki*. 2003. No. 2. P. 52-56. (In Russ.)
- Selezneva N.A., Kuznetsov V.V. Soglasenie o razdele produktsii i inye dogovornye formy nedropol'zovaniya v zarubezhnykh stranakh [Production sharing agree-

- ment and other subsoil using contract forms in foreign countries]. – *Obrazovanie i pravo*. 2018. No.4. P. 133-141. (In Russ.)
26. Sil'chenko N.V. *Istochniki prava: sbornik nauchnykh statei* [Sources of law: a collection of articles]. Minsk: Pravo i ekonomika Publ. 2021. 294 p. (In Russ.)
27. Timokhov Yu.A. *Primenenie inostrannogo prava v praktike rossiiskikh sudov* [Application of foreign law in the practice of Russian courts]. – *Mezhdunarodnoe chastnoe pravo: sovremennaya praktika. Sbornik statei* [Application of foreign law in the practice of Russian courts]. Moscow: TON-Ostozh'e Publ. 2000. P. 17-42. (In Russ.)
28. Turner F.J. Dominant forces in West life. – *The Atlantic monthly*. 1987. No. 79. P. 433-443.
29. Turner F.J. *The frontier in American history*. New York: H. Holt and company. 1920. 394 p.
30. Volova L.I. Stanovlenie mezhdunarodnogo rezhima inostrannykh investitsii [Formation of the international regime of foreign investments]. – *Terra economicus*. 2011. No. 9. P. 116-121. (In Russ.)
31. Yakushenkov S.N., Yakushenkova O.S. *Amerikanskii frontir i rossiiskie analogii v Povolzh'e i na Nizhnei Volge* [The American Frontier and Russian analogies in the Volga region and on the Lower Volga]. – *Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kul'tura*. 2010. No. 1. P. 109-115. (In Russ.)
32. Zaretskaya M.G., Khlebnikova A.A., Mirzoyan R.E. *Ponyatie i vidy istochnikov (form) prava* [The concept and types of sources (forms) of law]. – *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava*. 2022. Vol. 12. No. 4A. P. 29-37. (In Russ.). DOI: 10.34670/AR.2022.83.82.043
33. Zelenskii M. *Novye pravovye formy gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v Rossii* [New legal forms of public-private partnership in the Russian Federation]. – *Voprosy rossiiskoi yustitsii*. 2020. No. 9. P. 308-326. (In Russ.)

Информация об авторе

Борис Иванович Нефедов,

доктор юридических наук, доцент, профессор-исследователь департамента международных отношений, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

101000, Российская Федерация, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20

boris-nefedov@mail.ru
ORCID: 0000-0002-7762-5979

About the Author

Boris I. Nefedov,

Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Research Professor at the Department of International Relations. National Research University Higher School of Economics.

20, ul, Myasnitskaya str., Moscow, Russian Federation, 101000

boris-nefedov@mail.ru
ORCID: 0000-0002-7762-5979